

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1999 г.

В.Н. ТОКМАКОВ. Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н.э.).
М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998. 300 с.

Книга В.Н. Токмакова посвящена почти не изученному в отечественной историографии вопросу – военной организации архаического Рима в VI–IV вв. до н.э., которая оказывала, как хорошо известно, сильнейшее влияние на формирование раннеримской *civitas*. Поэтому специальное исследование, посвященное данной проблеме, не просто правомерно, но и чрезвычайно необходимо.

Прежде всего следует отметить, что изучение этого вопроса автор ведет с учетом максимально возможного количества научных работ, так что историографическая часть книги В.Н. Токмакова уже сама по себе представляет интерес для всех, кто интересуется историей военной организации раннего Рима. Специально хочется отметить скрупулезную работу автора монографии с самыми разными видами источников. Характер проблемы предполагает в основном изучение данных письменной традиции. Книга В.Н. Токмакова построена на комплексном анализе письменных источников – памятников литературы, истории и римского права, – с активным использованием археологического и лингвистического материала. Автор выявляет репрезентативность своих источников, учитывает особенности менталитета античных писателей и привлекает данные этимологии.

Книга состоит из Введения (с. 5–44), четырех глав: (гл. I – «Этапы формирования военной организации в период архаики»; гл. II – «Реформа Сервия Туллия и войско»; гл. III – «Социальный состав и система комплектования военной организации Ранней республики»; гл. IV – «Структура и боевые порядки пешего войска») и Заключения. В приложении даются Библиография, подробное Резюме на итальянском языке и Указатель латинских и греческих терминов.

Во Введении формулируется центральная задача исследования: «изучение взаимосвязи, взаимозависимости и взаимовлияния войска (причем, только пешего) и военной организации в целом с гражданским коллективом римской общины Ранней республики» (с. 7). Такая постановка вопроса выводит автора за рамки исследования чисто военных проблем и ставит в центр внимания социальный состав воинских сил, систему их комплектования и другие, казалось бы «невоенные» аспекты раннеримской истории, что позволяет автору рассматривать генезис римского государства в новом, оригинальном ракурсе. Анализ источников и историографии приводит ученого к выводу о необходимости комплексного исследования раннеримской военной организации (с. 44).

В гл. I, посвященной военной организации Рима до реформы Сервия Туллия, автор рассматривает в качестве основы досервианской военной организации курию, убедительно оспаривая версии о ее позднем или искусственном происхождении, и атрибутирует фиксацию количества курий и гентильных триб эпохе Ромула, а не «этрусских царей». Опираясь на источники, автор отмечает, что указанная фиксация определялась, помимо прочего, военными потребностями и являлась важнейшим этапом на пути формирования военной организации раннего Рима (с. 51).

Следуя мнению большинства романистов, автор принимает этимологию слова курия от *co-vi-pa* («союз мужей»), что подчеркивает первоначальную, по его выражению, военную ипостась курий. Однако, по его мнению, в период от Ромула до Сервия курия представляла собой не просто «союз мужей»-воинов, а превратилась в «относительно замкнутое и прочное объединение родов» с особым положением способных носить оружие мужчин, которые составляли куриатное собрание военнообязанных. В этом В.Н. Токмаков расходится с мнением И.Л. Маяк, которая полагала, что курии включали только мужчин¹. Автор книги рассматривает курию «в

¹ Маяк И.Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. М., 1983. С. 99.

качестве неразрывного, органического базиса комплектования куриатного ополчения и одновременно войсковой единицы, определяющей структуру и способ построения воинских сил» (с. 55). Здесь следует заметить, что В.Н. Токмаков нашел этому убедительное подтверждение у Дионисия, который слово *curia* всегда переводит как *φράτρια καὶ λόχος* (например, II.7.3).

Отметив затем сильные и слабые стороны куриатного способа формирования войска, автор переходит к вопросу о том, когда и в каком качестве получили доступ в военную организацию плебеи. Обратив внимание на дискуссионность этой проблемы, исследователь признает необходимость обратиться к рассмотрению еще одного, извечного, по его выражению, вопроса – о характере и социальном составе раннего *populus*.

На основе глубокого, хотя и не бесспорного сравнительного анализа данных традиции В.Н. Токмаков относит время возникновения плебса в Риме к концу VII в., т.е. ко времени царствования Анка Марция, утверждая, что распространенная в литературе точка зрения об изначальном делении населения Рима на патрициев и плебеев как куриатной знати и «простонародья» (Ж.-Кл. Ришар, Е.М. Штаерман, Л.Л. Кофанов)² не находит серьезного подтверждения в письменных источниках (с. 65). Далее, автор весьма убедительно доказывает, что даже в эпоху Ранней республики плебеи пребывали за рамками патрицианской куриатной организации. Он подчеркивает, что различия между патрициями и плебеями обуславливались не социальными различиями и не наличием или отсутствием у последних родовой организации, а тем, что «полноценным» родом считался лишь тот род, который входил в куриатную систему, сохранявшую характер «изначальной общины» и обеспечивавшую своим членам права полного гражданства, распоряжения *ager publicus* и отправления сакральных культов (с. 73).

Далее автор включается в полемику о содержании понятия *populus*. Безусловно, трудности в решении этого вопроса проистекают от скудости и разрозненности данных источников, которые, следует отметить, здесь тщательно собраны и проанализированы автором. Ключом к пониманию природы *populus* автор считает известный пассаж Феста (Р. 224. 4–6 L.): *Pilumne poploe in cimine saliarū Romani, uelut pilis uti assueti: uel quia praecipue pellunt hostis*. Отталкиваясь от него, Токмаков утверждает, что термин *populus* всегда заменял понятие «вооруженный народ, коллектив, гражданин» и характеризовал раннеримское общество исключительно в военно-политическом плане, что в свою очередь позволяет автору рассматривать *populus* и категории патрициев и плебеев как сосуществующие, но не взаимозаменяющие друг друга (с. 76–77). Создается впечатление (возможно, ошибочное), что автор фактически приравнивает *populus* к военной организации, тем самым полемично придавая последней расширительный смысл.

Наконец, исследователь кратко прослеживает процесс эволюции понятия *populus* по мере включения в военную организацию новых членов из плебеев и справедливо отмечает длительность и трудность этого процесса, основным препятствием на пути которого, по мнению автора, выступала куриатная организация, и делает базовый вывод, что термин *populus* в каждую конкретную эпоху наполнялся новым содержанием, сохраняя при этом свое основное значение – «коллектив военнообязанных» (с. 82). Не возражая против корректности аргументов автора, хотелось бы, все-таки, пожелать рассмотреть этот вопрос в дальнейшем более подробно и основательно.

Гл. II начинается с обзора данных традиции о реформе Сервия Туллия. Вкратце суммировав эти данные, автор останавливает свое внимание на следующих моментах. Во-первых, по его мнению, важнейшим результатом сервианских преобразований является формирование качественно нового войска на цензово-центуриатной основе, отличной от гентильного принципа, и включение в него плебеев, что открыло последним доступ в новую гражданскую общину, ибо политический вес в центуриатных комициях источники связывают уже не с членством в курии, а с правом-обязанностью несения воинской службы общинником, что зависело от его имущественного состояния (с. 86–87). Во-вторых, исследователь делает осторожное предположение о том, что охватывавшая все стороны жизни римлян сервианская конституция едва ли явилась плодом деятельности одного лица, что в свою очередь приводит его к необходимости обратиться попутно к решению еще одной проблемы – аутентичности сведений традиции о реформе Сервия (с. 87).

В.Н. Токмаков выделяет три элемента традиции, которые подвергаются в науке серьезной

² *Richard J.-Cl. Patricians and Plebeians: The Origin of the Dichotomy // Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders. Berkeley (Calif.) – London, 1986. P. 126; Кофанов Л.Л. К вопросу о палингенезе XII Таблиц // Законы XII Таблиц. М., 1996. С. 28; Штаерман Е.М. История крестьянства древнего Рима. М., 1996. С. 34 сл.*

критике: 1) денежное исчисление ценза; 2) тщательная регламентация древними авторами вооружения разных имущественных разрядов; 3) изначальное количество учрежденных Сервием 193 центурий.

Опираясь на данные археологических и письменных источников, автор убедительно доказывает хождение денег в Риме, по крайней мере в V в. до н.э. (Liv. II. 52. 5; Dionys. IX. 27. 3; App. Rom. (Ital.). II. 8. 2). Ученый считает неправомерным и полное отрицание денежного (в ассах) выражения ценза на том основании, что в V–IV вв. в Риме господствовало натуральное хозяйство (мнение Э. Гьерстада и Ридли). Ибо новейшие данные археологии и исследования последних лет подтверждают наличие в Риме уже в VI в. достаточно развитого товарного хозяйства (с. 88–91).

Следует сказать, что здесь В.Н. Токмаков вносит одновременно и свой вклад в решение еще одной значительной проблемы – о начале налогообложения в Риме. Исходя из данных традиции, он делает предположение об оценке в течение долгого времени не имущества общинника в целом, а лишь его способности приобретать надлежащее для его разряда вооружение, и только введение в 406 г. платы воинам на вооружение перенесло центр тяжести ценза на оценку собственно имущества. Начало этого процесса он относит ко времени учреждения цензуры (443 г.), в результате чего была упорядочена процедура и регулярность проведения цензов и выплаты военного налога (трибута) (с. 92).

Здесь же В.Н. Токмаков вслед за Т. Моммзенем делает предположение, что чисто денежное исчисление ценза началось лишь с реформы Аппия Клавдия Цека в 312 г. На первом же этапе развития сервианской конституции оно производилось, как пишет автор, на основе оценки общего состояния общинника (земли, скота и другого движимого имущества), по эквиваленту которого в ассах и определялся трибут, являвшийся в VI–V вв. взносом гражданина на централизованное приобретение собственного вооружения соответственно своему месту в боевых порядках (с. 93). Здесь автор вступает в некоторое противоречие со своим предыдущим утверждением, что можно объяснить как запутанностью самой проблемы, так и педантичностью автора в анализе противоречивых данных источников. Тем не менее похвально то, что он не уклоняется, прикрываясь мнением авторитетов, от самостоятельного решения даже второстепенных для его темы вопросов.

Исследователь обращает внимание на то, что, с одной стороны, источники прочно ассоциируют трибут с цензом (Var. LL. V. 181; Dionys. V. 20. 1; Gell. VI. 10.2), а с другой – со стипендией воинам (Liv. IV. 60. 4–5; V. 4. 5–7; 5. 4; 10. 3–10; 11. 5; 12. 3–13; 20. 5–8. X. 46. 6). Но справедливо полагая, что для отожествления ценза с трибутом имеются основания, автор книги считает неправомерным связывать трибут со стипендией воинам (как полагал М. Кроуфорд)³. В подтверждение этого он ссылается на один пассаж из Ливия (VII. 41.8), из которого явствует, что плата воинам шла из дополнительного налога, введенного в 406 г. для обеспечения стипендии (с. 94).

Исследователь также убедительно доказывает, что данные традиции о цензовой классификации сервианских разрядов и о количестве и росте военнообязанного населения Рима в VI – первой половине V в. имеют достаточно высокую степень достоверности и вполне соответствуют сведениям об учреждении 193 центурий уже при Сервии Туллии (с. 95–98).

Переходя к рассмотрению вопроса о времени проведения центуриатной реформы, В.Н. Токмаков характеризует его как чрезвычайно запутанный и дискуссионный. Начинает он с обзора точек зрения на данную проблему: одни исследователи относят центуриатную реформу к царскому времени, другие (сторонники гиперкритицизма) помещают ее в III–II вв., третьи – в середину V в. В рассуждениях автора монографии по данной проблеме хотелось бы отметить некоторые весьма интересные замечания. Так, говоря о сословной борьбе патрициев и плебеев, исследователь справедливо утверждает, что эта борьба не только не предшествовала центуриатной реформе, но, напротив, была инициирована ею (с. 107–108). Как полагает автор, «борьба сословий» велась «как ради обретения включенными в центуриатное войско плебеями полноправного положения в новом *populus*, так и для принятия в цензовые разряды более широких плебейских масс, первоначально стоявших вне их» (с. 108). Такой взгляд открыто противостоит традиционным теориям о чисто экономических причинах сословной борьбы и способен вызвать интересные дискуссии. Однако нельзя не согласиться с логичным тезисом автора, что именно после свержения царей «узурпировавшая военную и политическую власть патрицианская куриатная организация во главе с сенатом вступила в прямую конфронтацию с получившими гражданство (*civitas*), но не права, и лишенными

³ Crawford M.H. The Early Roman Economy. 753–280 B.C. // L'Italie préromaine et la Rome républicaine: Mélanges offerts à Jacques Heurgon. P., 1976. V. I. P. 204 ff.

защиты в войске плебеями». А это в свою очередь вызвало создание в ходе плебейских сецессий (которые автор рассматривает как восстания плебейской части центуриатного войска) собственно плебейских сословных институтов – *concilium plebis* и плебейских трибунов.

Единственным затруднением в определении времени проведения сервианской реформы В.Н. Токмаков считает эпизод похода 300 представителей рода Фабиев против этрусского города Вейи в 478 г. Здесь весьма интересным и полезным представляется его замечание об игнорировании учеными контекста римской традиции о Фабиях: о параллельных действиях консульских войск, об исключительно вспомогательном характере отряда Фабиев (Dionys. IX. 15. 3; 27. 2; Liv. II. 48. 8; 52. 5; Diod. XI. 53. 7). Из этого автор логично делает вывод о том, что появление подобных отрядов как раз и связано с переходным периодом утверждения центуриатного строя (с. 102–106).

Наконец, отмечу, что блестящий анализ сообщений традиции (о сущности и социальной опоре правления Тарквиния Гордого, о военном характере патрицианского переворота 510 г., проведенного с опорой именно на центуриатное войско, о характере законодательства децемвиров и Валерия и Горация в военной сфере и др.), сопоставление их с данными других видов источников приводят автора к выводу о том, что все датировки сервианской реформы V в. до н.э. или более поздним периодом не имеют под собой никаких серьезных оснований и являются поэтому малоубедительными.

Следующий параграф данной главы посвящен сущности и развитию центуриатной реформы. Начинает Токмаков опять-таки с рассмотрения различных точек зрения на эту проблему. Разделяя положение о чисто военных целях реформы, направленной на увеличение численности войска и внедрение фаланговой тактики, он акцентирует внимание на политическом аспекте реформы, которая повлияла на переустройство всего общества и привела к переходу от гентильной организации к полисной (с. 128–130).

Подвергает сомнению исследователь и господствующую в историографии точку зрения на центуриатную систему как на утверждение тимократии, т.е. системы, при которой обладание гражданином политическими правами пропорционально его состоянию. Коренное отличие центуриатной системы от тимократической автор монографии видит в том, что в первом случае формирование органов управления происходило на основе принадлежности к патрицианскому сословию (сохранившей свое привилегированное положение куриатной организации), а не по принципу ценза (с. 130–131).

В гл. III рассматривается социальный состав и система комплектования вооруженных сил. Включаясь в полемику о количестве имущественных разрядов в сервианской конституции, В.Н. Токмаков обращает внимание на сообщение Авла Геллия, по которому первоначально сервианское войско делилось на два разряда – *classis* и *infra classem* (VI. (VII). 13). Отметив, что Геллий выделяет первый разряд как особый, он указывает на то, что употребление Геллием *acc. sing. (classis)* свидетельствует о нахождении всех остальных разрядов вне собственно *classis*. Иначе говоря, они, как пишет автор, «мыслятся как вторичные по отношению к нему, а может быть, и образованные позже и постепенно» (с. 134). Для понимания термина *classis*, чрезвычайно редко встречающегося в латинских источниках при описании военных действий, В.Н. Токмаков привлекает, кроме Геллия, сообщения других древних авторов, анализ которых позволяет ему сделать убедительный вывод, что *classis* – это войско, но не все, а лишь *clipeatus*, т.е. вооруженное гоплитскими щитами. Следовательно, *classis* обозначает часть воинских сил – гоплитскую фалангу, которая, естественно, могла действовать только при поддержке вспомогательных и легковооруженных войск, которые и представляют собой категорию *infra classem* (с. 135–138).

Выводы автора усиливаются приведенным им пассажем Дионисия Галикарнасского о построении Сервием Туллеем войска на Марсовом поле (IV. 22. 1): всадники – по своим отрядам, пехотинцы – в фаланге, легковооруженные – каждый по своим центуриям. Это сообщение Дионисия, по справедливому замечанию Токмакова, не позволяет исключать категорию *infra classem* из военной центуриатной системы и отрицать ее изначальное деление на центурии.

Вслед за Т. Моммзенем и рядом других ученых автор книги принимает точку зрения на стабильный и постоянный со времен Сервия состав центуриатного войска в 193 центурии. Таким образом, тяжеловооруженные общинники (*classis*) по количеству (90 центурий) преобладали над отрядами *infra classem*, но, пишет исследователь, отнюдь не по политическим мотивам. Напротив, как раз политическое преобладание состоятельных граждан вытекало из особенностей военной фаланговой системы. Количество вспомогательных военных отрядов *infra classem*, считает автор, должно было быть меньше, чем у *classis*-фаланги, при том, что численный состав центурий *infra classem* рекрутировался из большего контингента населения, –

это, по мысли Токмакова, и обусловило их политическую подчиненность в военизированных центуриатных комициях, что в свою очередь повлияло в дальнейшем на борьбу патрициев и плебеев (с. 134–138). С этим выводом автора спорить не приходится.

В параграфе, посвященном социальному составу *classis*, В.Н. Токмаков, детально проанализировав многочисленные данные традиции (например, Liv. II. 50. 4; 51. 4; III. 3. 2; Dionys. VII. 38. 1), приходит к выводу, что нет сомнений в возможности участия плебеев не только в войске, но и в первом разряде (*classis*) (с. 143). Но в то же время он ставит под сомнение и распространенное в науке мнение о том, что плебс изначально занимал первое место в центуриатном войске и комициях. Причем, если для второй половины V–IV в. этот тезис, по мнению автора, является справедливым, то для первой половины V в. он находится под вопросом. И надо заметить, что он, опираясь на многочисленные данные письменных источников, убедительно доказывает, что по крайней мере в начале V в., патриции наряду с плебеями формировали значительную часть *classis*, составляя категорию *assidui*. Причину такого положения исследователь справедливо усматривает в стабильном и достаточно высоком цензе патрициев, который им обеспечивала принадлежность к куриатной организации в отличие от нестабильного ценза плебеев (с. 150).

Исследуя вопрос о социальном составе центурий, которому в этой главе также посвящен отдельный параграф, он обращается к почти не изученному в историографии военному аспекту сецессии плебеев. Привлекая значительное количество источников, ученый делает важный вывод о том, что активное участие войска в борьбе плебеев за расширение своих прав в первой половине V в. показывает, что ареной борьбы выступала центуриатная военная организация. Причем, основными требованиями плебеев были снижение ценза и включение множества плебеев разряда *infra classem* в центуриатную систему.

В.Н. Токмаков справедливо подчеркивает тот факт, что благодаря центуриатной реформе вследствие открытости цензового принципа, позволявшего создавать новые имущественные разряды, широкие массы плебса были включены в состав *populus* и уже с середины V в. военные силы римлян стали набираться из всех слоев формирующейся *civitas*, что послужило важным инструментом консолидации двух классов-сословий в единое патрицианско-плебейское государство. Тем самым реформа инициировала в социально-политическом плане разделение римского общества на сословия, которые в свою очередь сливались в военно-политической, центуриатной организации в единый военизированный *populus*. В результате развития сервианской реформы изменился и социальный облик римского войска, в котором уже к середине V в. ведущую роль играли плебеи, усилившие, таким образом, и свои социально-политические позиции (с. 158–161).

Переходя далее к исследованию системы комплектования римского войска, автор справедливо отмечает, что эта проблема изучена преимущественно для периода Поздней республики, реалии которой переносились учеными на более раннее время. Затем он приступает к рассмотрению вопроса о механизме набора войск, о роли в этом сената. Сведения источников о формальной роли центуриатных комиций при объявлении войны (Liv. VIII. 29. 6; Dionys. VIII. 91. 1; IX. 69. 2; X. 43. 1) автор подкрепляет пассажем Ливия, где говорится, что именно сенат постановил предложить народу объявить войну (...patres... decreverunt, ut primo quoque tempore ad populum ferretur de bello eius indicendo) (Liv. VII. 21. 3). Следует отметить и еще одно интересное наблюдение ученого. Он обращает внимание на то, что выражение *iussu populi* регулярно употребляется Ливием лишь применительно к событиям начиная со второй половины V в. (например, Liv. IV. 30. 15; 58. 8; VI. 11. 2; 32. 2); но тот же Ливий упоминает о разногласиях относительно того, достаточно ли для объявления войны сенатусконсульта или требуется согласие народа (*controversia inde fuit, utrum populi iussu indiceretur bellum, an satis esset senatus consultum?*) (Liv. IV. 30. 15). Анализ терминологии этих и многих других данных традиции позволяет автору сделать вполне обоснованный вывод о том, что, по крайней мере до середины V в., сенат мог объявить войну непосредственно (с. 163).

Далее на основе привлечения широкого круга источников В.Н. Токмаков делает убедительные выводы о механизме набора войск в V – первой половине IV в. до н.э. Вопреки устоявшемуся мнению о самовооружении воинов он утверждает, что военнообязанные, по крайней мере плебеи, получали оружие централизованно в соответствии со своим цензовым взносом в казну на его приобретение, и после того, когда были определены центурии, в которых они должны были служить. Хотя военнообязанным был каждый гражданин, реальными призывниками являлись только члены цензовых сервианских разрядов (*assidui*), а до середины V в. одного разряда – *classis*, тогда как *infra classem* первоначально привлекались к военной службе эпизодически. Привлекает подкрепленное анализом терминов *legio*, *dilectus* *scribere* и др. утверждение, что войско комплектовалось независимо от сословий и по цензовым

спискам в соответствии с очередью призывника, а на уклоняющихся от военной службы налагались тяжелые наказания. Токмаков приводит многочисленные данные о том, что набор часто становился полем противостояния патрициев и плебеев, инструментом борьбы за власть и господство в римской *civitas* (с. 165–169).

Оригинальным представляется исследование автором базиса комплектования войска в V–IV вв. Отметив существенную роль территориальных триб и трибутных комиций, автор задается закономерным вопросом о возможности набора войск по трибам. Для ответа на него ученый привлекает многочисленные свидетельства источников. Среди них можно упомянуть сообщения Дионисия об отделении от сениоров после проведения ценза в 496 г. годных к военной службе юниоров и распределении их по центуриям, после чего было образовано войско (V. 75. 3), а также о наборе децемвирами в каждой трибе способных носить оружие людей и отправке их для пополнения уже действующих центурий (XI. 24. 1). По мнению автора, эти сообщения указывают на то, что центурии являлись структурными единицами римского общества, не постоянными, а формировавшимися каждый раз после проведения ценза и на основе его из всех граждан данного разряда. Вслед за Л.-Р. Тейлор исследователь признает, что базой для исчисления ценза и сбора трибута являлись трибы, однако он не соглашается с ее мнением относительно того, что трибы изначально были предназначены для набора войск. По справедливому мнению ученого, основанного на данных традиции, комплектование войск происходило по цензовым политическим центуриям, но на основе ценза, проведенного по трибам (с. 174–175). Ценз, на его взгляд, являлся опосредующим звеном между трибутной и центуриатной организациями. С помощью него «граждане отрывались от территории и консолидировались в мощную социально-политическую и военную систему» (с. 175). Особый интерес вызывает несколько спорный вывод автора о том, что «гибкая система комплектования военных сил охватывала все слои формирующегося римского гражданства, что позволяет рассматривать ее не только как политическую, но и как социальную и классо-образующую организацию» (с. 176). Хотя нельзя не признать, что столь нетрадиционный вывод, ставящий систему комплектования войска в Ранней республике чуть ли не в центр генезиса римского государства, автор подкрепляет серьезными доказательствами.

В гл. IV речь идет о структуре и боевых порядках пешего войска. Начинает В.Н. Токмаков с рассмотрения проблемы, касающейся этапов формирования центуриатного войска, трудности в решении которой связаны со скудостью сведений источников. Автор отталкивается от классического описания структуры римского войска Полибием. Согласно Полибию, основу римского войска в III–II вв. до н.э. составляли четыре легиона по 4200 пехотинцев и 300 всадников в каждом (VI. 19–25). Пехота делилась на четыре категории: велитов, гастатов, принципов (по 120 человек в каждом манипуле) и триариев (по 60). В свою очередь каждая категория состояла из десяти манипул. Таким образом, Полибий характеризовал манипулярную структуру войска. Затем ученый приводит описание легиона 340 г., данное Ливием (VIII. 8. 6–7). Сравнивая сообщения Ливия и Полибия, В.Н. Токмаков отмечает, что эти описания, несмотря на определенные различия, поразительно схожи между собой. Их скрупулезный сравнительный анализ позволяет ему сделать вполне обоснованный вывод о том, что базой формирования римского войска, по крайней мере до середины IV в., была возникшая в результате реформ Сервия Туллия центурия (с. 181–189).

Далее он переходит к изучению проблемы тактического деления римского войска, которая, по его мнению, является одной из центральных в исследовании военной организации раннереспубликанского Рима. На основе исчерпывающего анализа конкретных данных источников автор констатирует, что, по крайней мере в V в., такого самостоятельного подразделения войска со строго фиксированной структурой и численностью, как легион, не существовало. Упомянутые же в источниках «легионы», по мнению автора, таким критериям отвечать не могут. Для большего подтверждения этой точки зрения В.Н. Токмаков обращается к филологическим изысканиям. Считая очевидной этимологию слова *legio* от *legere* (*Legio quod leguntur milites in dilectu*) (Вагго. LL. V. 88), автор полагает, что первоначально термин *legio* обозначал сам процесс набора войска. Поэтому, считает исследователь, учрежденное Ромулом войско, называемое в источниках «легионом» (*Liv. I. 11. 1; Dionys. II. 16. 2*), являлось ополчением всех общинников. Ливий для полевого войска употребляет обычно слово *exercitus*, а Дионисий – *δυναμις*, для набора же или набранного войска – *στράτευμα* (*Dionys. VII. 12. 5*). Со времени сервианской реформы термином, обозначающим собранное и распределенное по центуриям войско, является *classis* (*Gell. VI. (VII). 13*). Принимая точку зрения Ф. Гшнитцера, отметившего, что центуриатное собрание в источниках часто называется *exercitus*, но никогда *legio*, и автор указывает, что термин *legio*, таким образом, связан с древним способом набора ополчения и перенесен в новую социально-политическую организацию, став в раннерес-

публиканский период техническим обозначением полевого войска (*exercitus*)⁴. В этом он разделяет известную теорию П. Фраккаро о сервианском легионе из 60 центурий юниоров первого–третьего цензовых разрядов⁵. Но он убедительно оспаривает мнение о его постоянной численности (6 тыс. чел.) и о делении войска в период Республики на два, а затем – на четыре легиона с аналогичной структурой. По убеждению исследователя, в V – начале IV в. до н.э. «легион» представлял собой набранное (ежегодно обновляемое) центуриатное войско вне зависимости от его численности и количества составляющего его частей (с. 204–205).

В заключительной части главы автор рассматривает вопрос, связанный с боевым построением и организационным устройством центуриатного войска. По его мнению, подкрепленному многочисленными ссылками на источники и историографию, введение центуриатного строя и фаланговой тактики приходится на середину VI в. – начало реформ Сервия Туллия (с. 213–214). Малочисленность данных традиции о тактическом делении центуриатного войска вынуждает автора избегать категорических суждений на этот счет. Он пишет, что в VI–V вв. можно отметить в Риме сосуществование двух типов построения пешего войска: сплоченной фаланги *classis* из воинов первого разряда (клипеатов) и когорт второй линии из воинов второго и третьего разрядов (скупатов), подкреплявших в бою фалангу или действовавших самостоятельно. Регулярное упоминание центурионов в источниках (Liv. IV. 17. 10; VIII. 8. 16; X. 36. 10; 38. 8; Dionys. VII. 4. 2; IX. 9. 5; 23. 7; 39. 1; 50. 3; X. 16. 1; XI. 28. 1; 43. 1) дает основание В.Н. Токмакову утверждать, что центурии в войске Ранней республики имели значение не только структурных, но и тактических единиц воинских сил (с. 217–218).

Интересует исследователя и вопрос о внутреннем составе раннереспубликанского войска, решение которого связано с трудностями, возникающими вследствие скудости данных источников. Он считает, что принцип построения воинов по возрастам в манипулярном легионе с середины IV в. представляет собой возрождение на новой основе способа построения куриатного ополчения царской эпохи. Переносить же этот принцип на голлитскую центуриатную фалангу неправомерно. Из упоминаемых в источниках гастатов, принцепов и триариев только последние существовали в центуриатном войске, но не как особая возрастная группа, а в качестве резерва (с. 223–224).

В «Заключении» В.Н. Токмаков, подчеркнув свой тезис о необходимости доверительного отношения к данным источников, делает главный вывод своего научного изыскания, который состоит в том, что центуриатная система являлась реальным, исторически сложившимся феноменом Римской республики, более того формой организации государства и войска, кроме того представляющей важнейший этап генезиса Римской державы. Особенность же этого генезиса видится ученому в том, что преобразования общественных структур начались в Риме с реорганизации именно войска, которое составило новую организацию общества и базис формирующегося государства.

Ценз, являвшийся стержнем нововведений Сервия, упразднил родовые и куриатные принципы комплектования войска и народного собрания, открыв тем самым бесправным массам плебса дорогу в римскую общину. В этом, по мнению ученого, состоит революционное значение реформы Сервия Туллия, которая положила начало решающему периоду генезиса полиса. Существенная черта центуриатной реформы заключается, по суждению В.Н. Токмакова, в том, что она не отменила прежнюю куриатную систему, а поставила новую систему рядом с ней, оставив последней место в решении лишь родовых, сакральных и некоторых судебных вопросов. Центуриатная система представляла собой значительный шаг на пути объединения патрициев и плебеев в постепенно формирующийся новый *populus*. Центуриатный строй дал законное оформление требованиям плебса уравнивать свои права с правами патрициев, особенно в аграрной сфере, путем получения доступа к *ager publicus*. Вместе с тем вследствие сохранения куриатной организации центуриатная реформа стала толчком к формированию и юридическому оформлению сословий патрициев и плебеев, что привело к длительной и острой сословной борьбе, вызванной борьбой патрициев и плебеев.

С середины VI в. и до середины IV в. реформа прошла в своем развитии четыре основных этапа, завершилась же она эволюционным переходом из чисто военной в чисто избирательную организацию. Логическим ее завершением автор считает реформу центуриатных комиций в III в., в результате которой центуриатная организация стала частью всеобъемлющей трибутной, а центурии превратились в подразделения триб.

⁴ Gschnitzer F. *Exercitus: zur Bezeichnung und Geschichte in frühen Rom* // Stud. zur Sprachwiss. u. Kulturkunde: Gedenkschrift für W. Brandenstein. Innsbruck, 1969. S. 190 u. folg.

⁵ Fraccaro P. *La storia dell'antichissimo esercito romano e l'età dell'ordinamento centuriato* // Secondo Congresso Nazionale di Studi Romani: Fatti. Roma, 1931. T. 3. P. 93–97.

Таким образом, в чрезвычайно интересном оригинальном исследовании В.Н. Токмакова весьма подробно и на высоком научном уровне рассмотрена история уникального феномена, оказавшего колоссальное влияние на формирование римской *civitas*, – военной организации Рима в период с VI до IV вв. до н.э.

Большая заслуга автора состоит в том, что он в значительной мере опирается на источники, причем, самые разнообразные, которые им тщательно отобраны и проанализированы. При этом В.Н. Токмаков дает представление и о богатом историографическом материале.

Написанная увлекательно, хорошим русским языком, книга иллюстрирована, снабжена картами и схемами. Правда, изобразительный материал, к сожалению, недостаточно на мой взгляд включен в систему рассуждений автора.

Естественно, что такая сложная и содержательная работа включает в себе кое-какие неясности и спорные вопросы, которые могут и должны стать предметом научных дискуссий, а также дальнейшей работы ученого над данной проблематикой. Однако все это ни в коей мере не уменьшает достоинств книги, выход которой в свет, вне всяких сомнений, является знаменательным событием в истории отечественного антиковедения.

А.В. Щеголев

© 1999 г.

ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВСТРИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ТЕЛЛЬ ЭЛЬ-ДАБА (ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ДЕЛЬТЫ НИЛА): НОВАЯ КНИГА МАНФРЕДА БИТАКА¹

В последние десятилетия нигде, кажется, не было сделано столько замечательных археологических открытий, сколько в Египте, но и на их фоне результаты раскопок в Телль эль-Даба (восточная часть Дельты) Австрийского археологического института в Каире и Института египтологии Венского университета представляются совершенно поразительными. Работами в Телль эль-Даба, которые ведутся уже почти три десятилетия (начиная с 1966 г. и поныне с перерывом в 1970–1974 гг.), руководит Манфред Битак, профессор египтологии Венского университета и директор Австрийского института. Многочисленные публикации самого Битака², которые оперативно (притом с щедростью, археологам не всегда свойственной) вводили в научный обиход новые данные, а также инициированные ими отклики и дискуссии³, давно поставили Телль эль-Даба в центр внимания не только египтологов, но и широкого круга специалистов, изучающих историю Восточного Средиземноморья первой половины II тыс. до н.э. в целом. Историческому осмыслению колоссального археологического материала, накопленного за десятилетия полевых изысканий, посвящена последняя книга Битака, которая составит предмет обзора в предлагаемой рецензии. Хочу сразу уточнить: цель последней заключается не только в оценке самой книги, и даже не оценке ее в первую очередь, сколько в *представлении* уникального материала, знакомство с которым в среде отечественных специалистов в лучшем случае совпадает с узким кругом египтологов.

Представляемая книга М. Битака, конечно же, *итоговая*, хотя вместе с тем, несомненно, *этапная*, учитывая масштабы *предстоящей* работы на грандиозном по размерам памятнике. Относительно скромный – для итоговой – объем книги объясняет ее подзаголовок: в основу ее легла лекция, прочитанная М. Битаком в Британском музее в 1992 г. Целесообразность оценки столь масштабной работы по лекции, притом *семилетней давности*, станет понятна, если сделать два пояснения. Во-первых, лекция Битака, как отражающая *наивысшее* достижение в

¹ *Bietak M. Avaris. The Capital of the Hyksos. Recent Excavations at Tell el-Dab'a (The First Raymond and Beverly Sackler Foundation Distinguished Lectures in Egyptology). Published by British Museum Press. L., 1996. P. 98. Pl. 34.*

² Избранную библиографию см. *Bietak. Op. cit. P. 90 f.*

³ Укажу лишь главные: Коллоквиум в Британском музее (июль, 1992), см. *Egypt, the Aegean, and the Levant. Interconnections in the Second Millennium BC / Ed. W.V. Davies, L. Schofield L., 1995*; Международный симпозиум в Метрополитен-музее (ноябрь, 1993), см. *Trade, Power and Cultural Exchange: Hyksos Egypt and the Eastern Mediterranean World 1800–1500 BC // AL. 1995. V*; Симпозиум в Институте искусств в Чикаго (февраль, 1993), см. *Egypt and the Minoan World: Recent Finds in the Delta. Chicago, 1993.*